

его! Пушкин был от этого в таком восхищении, что ездил по Москве и всем это рассказывал.

Так забавлялись в то время люди, которые были уже не дети, но все люди известные, некоторые в больших чинах и в важных должностях. Никто не почитал предосудительным в то время шутить и быть веселым, следуя правилу царя Алексея Михайловича: *делу время, потехе час*. Тогда не считали нужною педантическую важность, убивающую природную веселость, и не любили педантических споров, убивающих общественное удовольствие\*.

М. Дмитриев

### Ш

#### ПИСЬМО Д.В. ДАШКОВА П.А. ВЯЗЕМСКОМУ\*\*

1815 г., 26 ноября, СПб.

Ради величественного арзамасского гуся не сердитесь на меня, любезнейший Петр Андреевич, за неискренность мою в переписке с вами. Во всяком другом случае и во всех других обстоятельствах она была бы совершенно непростительна: но теперь вы должны только жалеть обо мне, бедном мученике Фемиды и Комитета. По чести, ежели собачья жизнь моя еще продолжится, то небольшой участок здравого смысла, доставшийся мне от природы (от сей природы, которая так щедра к вам, любезнейший князь, и к любезным Арзамасцам и так скупа к Беседчикам), скоро выдохнется, улетит на луну, и мне тогда уже не миновать сотрудничества. Шутки в сторону, приезд государя и очистка дел так много доставили мне работы, не всегда

\* Ср. еще Полное собрание сочинений кн. П.А. Вяземского. Том VIII, с. 415—416. СПб., 1883.

\*\* Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива. М., 1886, с. 104—109.

приятной, что я едва успеваю бывать в «Арзамасе», в этой милой отчизне, где мы всегда об вас вспоминаем. Какое бы для вас обильное поле! Секретарь наш «Светлана»\*, который как будто бы нарочно сотворен для сего звания, верно, уведомил уже вас, что в самое первое собрание вы избраны *par acclamation* сочленом нашим: следовательно, я не нарушу ужасной присяги нашей, говоря с вами откровенно. Из великодушия и чистейшей любви к ближним (хотя ближние сии часто бывают чересчур глупы) мы положили, чтобы каждый новопринимаемый член выбирал для первой речи своей одного из живых покойников «Беседы» или Академии *заимообразно* и *напрокат* и говорил бы ему похвальную надгробную речь. До сих пор таких мертвецов отпето у нас пять, и Светлана превзошла сама себя, отпевая петого и перепетого Хлыстова\*\*.

То-то была речь! То-то протоколы! Зачем вас нет с нами! Очередной председатель у нас всякую неделю новый, и по именному указу, как в Академии — отвечает оратору пристойным приветствием, *в котором искусно мешают похвалы ему с похвалами усопшему* (выражения церемониала). Опять новое торжество для Светланы! Ей пришлось принимать «Громобоя»-Жихарева, который, бывши прежде сотрудником «Беседы», должен был по общему нашему постановлению отпевать сам себя. Поле, было, конечно, богатое, но исполнение превзошло ожидания наши. Атрей представлен был в виде *некоего царственного волдыря* на лице бывшего поганого Беседчика, а остальные 27 трагедий, комедий, трагикомедий, драм, опер и водевилей, сочиненные и переведенные им, представлены волдыриками и сыпью, окружающими большой нарост. Словом, было чего послушать. Неоцененный се-

---

\* Жуковский В.А.

\*\* Д. Хвостов.

кретарь наш недаром жил так долго с Плещеевым и удивительно как наострился в галиматье. Любимое его выражение — «Арзамасская критика должна ехать верхом на галиматье». Судите о прочем. Приезжайте скорее к нам хоть недели на две. Выберите себе по сердцу покойника и похороните его с миром в стеклянном гробе нашем.

Теперь только вспомнил я, что еще не благодарил вас за два приятнейшие письма ваши и за прекрасные эпиграммы, которые совершенно похожи на золотое копье Аргаилово: они вышибают из седла всех противников наших с первого раза. Помилуйте, какие это *полсички*. Тупая сабля моя перед ними хуже деревянной сабли итальянского Арлекина; но так и быть! Я бью врагов Арзамаса чем ни попало. Не сердитесь на нас, любезнейший князь Петр Андреевич, за то, что прекрасные эпиграммы ваши до сих пор не напечатаны: с львиною силою надобно нам иметь и мудрость змеи, и мы выжидаем удобного времени. *Nous avons eu affaire à une bien forte partie*, — но теперь слава Арзамасу! Враги наши растоптаны и грызут только нашу пятую. Много, много и вы нам способствовали: все вытвердили наизусть поэтический венок ваш, и сам Картузов должен был хвалить его. Но вы что-то забыли седого деда. Представьте, что после первого представления «Комедии против комедии» Хлыстов ухватил за руку сочинителя — которого неизвестное нам имя Загоскина мы переменили в Гвоздушкина — и потащил его в директорскую ложу, где во всей славе сидел Мешков\*, и представил молодца как ниспосланного с небес мстителя. Мешков, *puisque Мешков il ya*, вскочил, принял мстителя с распростертыми объятиями и обещал ему первую вакансию сотрудника в «Беседе», но тот корячится и хочет пролезть прямо в члены. Благо-

---

\* Шишков А.С.

родное честолюбие! Нельзя ли вам, любезнейший со-член, достойно воспеть все это? Жуковский то и дело твердит — ей, быть Беседиаде!

Простите, любезнейший князь, будьте здоровы и счастливы, веселитесь в Москве, но ради Арзамаса приезжайте к нам поскорее хоть на несколько дней; привезите нам еще несколько *дней* вашего сотворения. Нам в хороших стихах, каковы ваши, большая нужда. Жуковский изленился и без вас ничего писать не хочет... Северин на сих днях к нам приехал, но все еще кружится с утра до вечера. Он будет к вам писать непременно, как скоро удосужится, а между тем поручил мне крепко, крепко обнять вас. Позвольте мне и за себя это исполнить и уверить вас в искреннейшей сердечной моей к вам преданности.

Ваш навсегда  
Дашков

#### IV\*

Веселый кружок арзамасский... Красавец и баловень аристократических собраний, остроумный, ловкий, веселый, с примесью самолюбия фата, но высокообразованный, истинно просвещенный — Уваров; и с сановитой южною красотою своею, с прекрасными чертами смуглого лица, высокого роста и возвышенной души, любимый и ценимый по какому-то инстинкту даже нами, детьми, Дашков, которого, в нашем наивном почитании и любви, мы прозвали пальмовым деревом (пальмою между людьми), как прозвали мы Северина подсолнечником за его желтое и кисленькое лицо, чопорную фигуру и особенно за измену, как мы

---

\* Воспоминания и записки графини А.Д. Блудовой. «Заря», 1871, кн. III, с. 27—28 (написано в феврале 1867 года).